

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2022. № 1
Cultural and anthropological research. 2022. № 1

Научная статья
УДК 94(47) (092) + 930

Эмоциональные практики «науки расставания» в обстоятельствах династического брака в переписке Марии Павловны и Александра Павловича Романовых

Горьковская Зинаида Петровна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье на основе материалов переписки Марии Павловны и Александра Павловича Романовых интерпретируется контекст и факторы развития эмоциональных практик в ситуации династического брака в истории России первой четверти XIX в. Вариант развития эмоционального режима «науки расставания» исследуется в рамках текстового сообщества, выявляются значимые контексты эмоциональной навигации. Замысел исследования реализуется на основе дискурсивного анализа в рамках направления эмоциональной истории. Эмоциональные практики рассматриваются как способ согласования внутреннего содержания эмоций с внешними формами их проявления, в том числе и в нарративных образованиях. Выявляются факторы личной вовлеченности в эмоциональную навигацию, которая определяется как процесс личностного саморазвития, ориентированный на обретение и проявление себя подлинного в контексте формирования собственной идентичности, в том числе и эмоциональной. Выводы работы обогащают характеристики направления эмоциональной истории.

Ключевые слова: эмоциональная история; эмоциональные режимы и эмоциональные практики; эпистолярный дискурс; династический брак; семья Романовых

Для цитирования: Горьковская З. П. Эмоциональные практики «науки расставания» в обстоятельствах династического брака в переписке Марии Павловны и Александра Павловича Романовых // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 1. С. 32–42.

Scientific article

Emotional practices of the "science of parting" in the circumstances of dynastic marriage in the correspondence of Maria Pavlovna and Alexander Pavlovich Romanov

Zinaida P. Gorkovskaya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. Based on the materials of the correspondence between Maria Pavlovna and Alexander Pavlovich Romanov, the article interprets the context and factors of the development of emotional practices in the situation of dynastic marriage in the history of Russia in the first quarter of the 19th century. The variant of the development of the emotional mode of the "science of parting" is studied within the framework of the text community, significant contexts of emotional navigation are identified. The idea of the

research is realized on the basis of discursive analysis within the direction of emotional history. Emotional practices are considered as a way of coordinating the internal content of emotions with the external forms of their manifestation, including in narrative formations. The factors of personal involvement in emotional navigation are revealed, which is defined as a process of personal self-development, focused on finding and manifesting oneself authentic in the context of the formation of one's own identity, including emotional one. The conclusions of the work enrich the characteristics of the direction of emotional history.

Keywords: emotional history; emotional regimes and emotional practices; epistolary discourse; dynastic marriage; Romanov family

For citation: Gorkovskaya Z. P. Emotional practices of the “science of parting” in the circumstances of dynastic marriage in the correspondence of Maria Pavlovna and Alexander Pavlovich Romanov. *Cultural and anthropological research*, 2022, no. 1, pp. 32–42.

Исследование социокультурных практик и факторов, определяющих мотивацию и действия людей прошлого, ориентировано на многоаспектную интерпретацию. Новая *актуальность* «старых» сюжетов (династического брака в биографии М. П. Романовой) определена включенной в название темы понятийной конструкцией «наука расставания», которую использует специалист в области эмоциональной истории А. Зорин. Подготовившая публикацию семейной переписки представителей династии Романовых исследователь Е. Дмитриева в своей вступительной статье определила круг значимых проблем для её изучения в контексте «истории домашним образом» [3]. В предложенном варианте исследования оптика восприятия эпистолярных источников смещена к анализу эмоциональных практик и актуализации контекста эмоциональной истории, для которой по образному выражению Яна Плампера, «квартира в доме исторических наук отделена. Предметы мебели расставлены, пусть кто-то и хотел бы расставить их иначе и будут ещё какие-то перестановки» [7, с. 484]. Процесс возникновения исследовательского поля эмоциональной истории, её концептуального содержания и понятийного инструментария был систематизирован в работе «История эмоций», где автор предложил и публикацию словаря понятий, применяемых исследователями данного направления, которое изучает не только процесс формирования чувств и форм их выражения, но и проявление особой внутренней деятельности человека, направленной на обретение собственной идентичности.

В отечественной *историографии* вопрос: «как в процессе эмоциональных переживаний изменяется сам человек?» получил актуальность не только в теоретических, но и в конкретно исторических исследованиях. Авторским коллективом сборника «Человек в мире чувств», изданного в 2000 г., были представлены выводы о взаимосвязи эмоциональной истории и истории частной жизни в хронологическом периоде до начала Нового времени. Для обозначенной темы исследования значимо суждение Ю. Бессмертного, определившего задачу изучения эмоционального опыта в контексте с субъективными переменами в структуре человеческой личности [2, с. 10–11]. Впервые на русском языке в 2010 г. опубликованы материалы зарубежной конференции «Эмоции в русской истории и культуре» в сборнике «Российская империя чувств» [9]. Исследователи предложили выводы об эмоциональной открытости (К. Келли), характеристики эмоционального воспитания (В. Дубина) и эмоциональных

сообществ (О. Купцова), актуализировали вопросы о способности управления эмоциями (Я. Плампер).

Особое место среди специальных исследований по теме занимают работы А. Зорина и прежде всего работа «Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века» [4], в которой автор интерпретирует эмоциональные стандарты в русской культуре конца XVIII – начала XIX в. Характер субъективной вовлеченности человека в формирование эмоционального опыта, порождаемого в большей степени реакциями на ценностные и значимые события жизни, связан с регулятивными процессами, которые определяются культурными нормами чувствования (в терминологии А. Зорина – эмоциональными матрицами). В контексте вывода К. Гирца о том, чтобы принимать решения человек должен знать, что он чувствует по поводу тех или иных обстоятельств, и для этого ему нужны «публичные образы чувствования», А. Зорин предложил способ анализа эмоционального опыта на примере культурной нормы «науки расставания» (как её называет автор «европейско-карамзинской»). Её характеристиками являются:

– встреча родственных душ в ситуации расставания-утраты, объединенных общими ценностями и образом чувствования, чтобы «сердце моё было как дома»;

– формирование воображаемого сообщества как союза «чувствительных сердец», способного заменить «узы Отечества».

Отметим, что сообщество может быть сформировано и в эпистолярной форме. Для темы исследования имеет значение и вывод о том, что в раннее Новое время письменное проявление чувств получало более высокий статус по сравнению с устным высказыванием и в большей степени это было сохранено в придворных культурах.

Эпистолярный дискурс изучается в системе гуманитарных наук в разных аспектах: жанровые характеристики эпистолярной культуры, письмо в системе коммуникативных ценностей, специфика женского письма, инструменты анализа писем и др. Эмоциональный аспект эпистолярного дискурса становится предметом исследования последних лет, когда эмоции стали рассматриваться как нарративные образования, а автодокументальные тексты интерпретироваться в аспекте специфической для них установки на подлинность. В работе применяется *дискурсивный метод* анализа писем, когда письмо характеризуется не только в значении языкового действия, но и в значении деятельности, сопоставимой с поведением человека и проявляющей себя как «основа жизнестроительства» [10, с. 29].

Обогащение эмоционального репертуара человека усложняет его внутренний мир, в связи с чем возникает вопрос: сохраняется ли при этом возможность для эмоциональной свободы, обеспечивающей способность человека, ориентированного на образцы и эмоциональные нормы, приходить в контакт с собственными чувствами, их оценкой и способностью их искренне выражать. Проявит ли эпистолярный дискурс Марии Павловны и Александра Павловича эти возможности? В *данном замысле* необходимо:

– определить контексты «науки расставания», обогащающие эмоциональные характеристики Марии Павловны в ситуации династического брака, которая кодируется культурной матрицей «науки расставания»;

– выявить факторы личной вовлеченности, характеризующие эмоциональную навигацию как стратегию развития, ориентированную на обретение эмоциональной свободы.

Для решения *этих задач* используется следующая система понятий. *Эмоциональные практики* манипуляции с телом и сознанием, призванные вызвать эмоции, когда их нет, придать возбуждению понятную форму или изменить, или устранить эмоции, которые уже присутствуют. Автор понятия М. Шеер различает мобилизующие, именующие, сообщающие и регулирующие эмоциональные практики. Проявление эмоций в нарративных образованиях (каким является и письмо) по классификации М. Шеер входит в группу именующих эмоциональных практик, которые подразумевают порождение значений. В проводимой реконструкции этих практик историкам, по её мнению, удастся «ухватить “аутентичные” эмоциональные переживания» [7, с. 435].

Эмоциональные режимы – предписанные эмотивы (выражение эмоции) и другие практики, служащие поддержанию эмоционального режима. Понятие введено историком У. Редди.

Эмоциональная свобода – успешная эмоциональная навигация, соответствие между эмоциональным режимом и тем как эмоции функционируют (эмотивами). Понятие введено историком У. Редди.

Эмоциональные убежища – практики или инструменты, обеспечивающие возможность большей эмоциональной свободы, чем доминирующий эмоциональный режим. Они помогают сделать эмоциональную навигацию более успешной и совместимой с тем, как функционируют эмоции. Понятие введено историком У. Редди.

Выбор источников согласован со следующим теоретическим выводом: «чтобы увидеть и понять себя, путешественнику необходимо сконструировать эмоциональные сообщества <...>. Эпистолярная форма идеально подходила для решения этой задачи» в связи с тем, что «наше “я” видит себя только в другом “ты”» [4, с. 159]. Переписка Марии Павловны с братом Александром Павловичем была начата в 1804 г. в связи с её отъездом из России в результате её брака с герцогом Саксен-Веймар-Эйзенах Карлом Фридрихом и завершена в связи со смертью императора Александра I.

Применительно к последней трети XVIII – первой половины XIX в. исследователями, в частности Ю. Лотманом, сделаны выводы о том, что в регулятивных процессах дворянского сословия доминировали образы «изыщной словесности», предписанные литературой. Знакомство с образцами позволяло формировать аутентичные ожидания чувствования. Литература предлагала образцы эмоционального кодирования и, согласно суждению А. Зорина, играла «роль камертона, по которым читатели учились настраивать свои сердца и проверять, насколько в унисон они чувствуют» [4, с. 44]. Таким учебником чувств являлись и «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина (1791 г.), которые в системе дворянских ценностных ориентиров станут эмоциональной матрицей «науки расставания». Событие династического брака кодируется в контексте данной культурной матрицы, поскольку оно связано с пересечением границ. Династические браки можно интерпретировать как предельный уровень субъективной эмоциональной вовлеченности в события, вызывающие сильный эмоциональный подъём. Брак задаёт позитивные исходные ожидания для Марии Павловны,

но вместе с этим определяет и тему расставания-утраты, которую исследователи относят к базовой матрице эмоционального репертуара русской культуры.

Одним из вариантов трансформации освоенных человеком культурных значений, норм и образцов является тот вариант, когда индивид согласует их со своими собственными обстоятельствами и целями. Контекст династического брака для Марии Павловны Романовой предложил новые правила чувствования, усилил её переживания, связанные не только с личным опытом новой роли жены и в дальнейшем роли матери, но и с опытом, продиктованным новым местом жительства и внешнеполитическими обстоятельствами. Ей пришлось входить в мир Веймара, названный в переписке миром «новых Афин», и преодолевать ситуацию трансформации эмоционального режима (стандартов и правил чувствования).

Браки с представителями правящих европейских домов начали заключать со времен Петра I, который руководствовался в решении брачных вопросов политическими интересами. В период брачных переговоров российский император Павел I, отвечая в 1799 г. на письмо Веймарского герцога Августа Карла с предложением о заключении брака с его сыном при сохранении политической задачи императорского двора, выразит желание о необходимости их личного знакомства, которое будет располагать к свободному выбору. На личном выборе Марии Павловны настаивала и её мать Мария Федоровна. Будущий муж Марии Павловны прибыл в Санкт-Петербург и прожил в России около года, что обеспечило возможность будущего брака по взаимному согласию. Важной частью брачной церемонии был контракт, после подписания которого начиналась подготовка к свадьбе и переезду невесты в другую страну. Церемония династических браков включала и факт отречения от претензий на императорскую корону как со стороны невесты, так и её потомства, что актуализировало аспект отношений с родственниками только на личном уровне.

Эмоции, порождаемые новым фактом биографии Марии Павловны, подробно представлены в текстах писем после отъезда из России, где мы можем наблюдать двойственность эмоционального переживания. Исследователь Е. Дмитриева, комментируя письма Марии Павловны и делая вывод о их предельной эмоциональности, пишет: «откуда это вопиющее противоречие ощущение семейного счастья и глубокой горести?». В связи с этим она выскажет предположение: «не следует ли здесь искать также и литературные источники?» [3, с. 59].

Мария Павловна, описывая чувственный опыт расставания, актуализирует для себя оценочную позицию происходящего события, исход которого для неё не был predetermined: «я вопрошаю будущее и стараюсь искать в нём себе утешение» [1, с. 77]. Она просит не сердиться за то, что её письма кажутся «беспорядочными», и объясняет это тем, что сама находится в «полнейшем беспорядке» чувств. Тему расставания с Отчизной и семьёй она будет оценивать в переписке как факт судьбы: «я приближаюсь к месту, где судьбой мне назначено провести свою жизнь» [1, с. 78]. Позже в результате состоявшейся оценки переживания события она будет готова к его восприятию как долга.

Приезд в Веймар обозначит ещё один контекст для трансформации её чувств. Эмоции удовольствия, свойственные ей как успешной собеседнице в пространстве императорского двора, заменят чувства тревожного напряжения

перед интеллектуалами Веймара (Гете, Шиллер, Виланд и др.). Она пишет, что, обладая «даром красноречия», которое «могло бы привлечь их внимание», вынуждена слушать их «с закрытым ртом» и «безмолвным восхищением» [3, с. 20]. Важно отметить что понимание внутреннего мира человеком Нового времени связано со стратегией развития духовного начала в человеке, когда негативные чувства могли модифицироваться и преодолеваться, что в письмах сопровождается фразой «уметь не падать духом». Известно, что Мария Павловна начинает использовать стратегию развития: посещает в Веймаре лекции, изучает новые традиции, обсуждает в переписке с матерью Марией Федоровной литературные произведения и вновь готовит себя к роли свободной и содержательной собеседницы, что обеспечит ей способность получать эмоции удовольствия.

Испытывая эмоциональный дискомфорт неопределенности, Мария Павловна обращается и к поиску эмоционального убежища, под которым историк У. Редди понимает новый ресурс возможностей эмоциональной навигации. В своём письме к Александру I от 21 сентября 1804 г. она пишет: «в то время, как я пишу Вам это письмо, я испытываю ещё счастье при мысли, что нахожусь подле Вас, на своей родине и в том же доме, что и Вы» [1, с. 67]. Расставание, вызвавшее чувства горечи, трансформируется в актуальную потребность переживания чувства счастья. В письме от 26 сентября Мария Павловна пишет: «чем более удаляюсь я от Вас, тем более ощущает моё сердце ПОТРЕБНОСТЬ общаться с Вами», «испытывать сладкие минуты посреди одолевающей меня горечи» [1, с. 68, 73]. Свой поиск эмоционального убежища она опишет в письме из Веймара следующим образом: «я в более чем 1700-х верстах от Вас, <...> и тем не менее я постоянно подле Вас, мой Друг, я вижу Вас и слышу Вас ежеминутно; я люблю этот обман чувств, он сладок для меня» и я могу «беседовать с Вами!» [1, с. 79]. Обман чувств выступает эмоциональным убежищем, а актуальное воображаемое является фактором, поддерживающим возможность эмоциональной свободы. Мария Павловна часто будет пользоваться этим приёмом.

Тему обмана чувств, обеспечивающего эмоциональную открытость, проявление эмоции счастья поддерживает и Александр в своих письмах: «работая, я постоянно вижу Вас. Ваш портрет у меня на столе, а в другое время дня я вижу Ваш бюст» (Александр разместил переданный ему Марией Павловной бюст у камина в своём кабинете). Отвечая ему в своем письме, Мария Павловна благодарит за то, что он удачно поместил её бюст и дал ей возможность «самой на Вас глядеть». Физическое ощущение присутствия в близком эмоциональном сообществе обеспечивало коммуникантам не только мотивацию проявления чувств, но и ощущение их полноты. Эффект присутствия как риторический ход (почти клишированный в культурной матрице расставания), по мнению А. Зорина, воспринимается как непосредственные эмоциональные реакции живого опыта, как свидетельства душевной жизни автора писем.

Эпистолярную коммуникацию сопровождает система подарка/вещи. Исследователь Е. Дмитриева, интерпретируя содержание переписки Марии Павловны с Александром, обращает внимание на факт обмена подарками и формулирует вопрос: «откуда проистекает эта музеизация памяти, когда вещь *другого* становится священной, а подарками служат портреты, перчатка, колокольчик (о, дети эпохи сентиментализма!) и даже стальная кастрюль?» [3, с. 59]. На наш взгляд, ответом на этот вопрос может стать контекст эмоциональной истории, объяс-

няющий эту практику приёмом создания эмоциональных убежищ. Переписка обогащается новыми чувствами, связанными с темой подарка и сводящими к минимуму переживания. Подарками были не только «диковинки» и модные новинки, как, например, часы в форме вазы, присланные сестрой брату Александру, но в большей степени личные предметы. Пересылая в дар сумку для бумаг, Мария Павловна подчеркивает, что «она исправно мне служила», о хрустальном сливочнике напишет: «пользуйтесь им, мой Александр, как пользовалась им я, мне сладостна будет мысль об этом» [1, с. 68, 69]. В ответных письмах Александр подкрепляет этот приём, усиливающий эмоциональный контекст эпистолярной навигации. Отправляя ей в подарок «всего лишь колокольчик», который более десяти лет не покидал его стол, Александр пишет: «он не очень красив, но моё намерение заменит и саму красоту» [1, с. 71]. Эти и другие свидетельства привязанности, как их называет Мария Павловна, облегчают её эмоциональное состояние. О полученном от Александра веере в декабре 1804 г. она будет писать: «с того самого момента, как я его получила, я только им и пользуюсь, так что мы более не расстаёмся» [1, с. 85]. Мария Павловна делает и символические подарки, как посланный ею в 1805 г. дубовый листок, который послужит основанием «победного венца, которым Вас однажды увенчают» и она горда, что вносит в это первую лепту [1, с. 100]. Элемент музеизации памяти находит отражение только в одном факте, описанном в письме 1806 г. Марией Павловной, когда стул, на котором обычно сидел Александр, был обозначен инициалом А, чтобы его не смешивали с остальными.

Связь между автором и адресатом исследуемых писем получала отражение в текстовом сообществе и в контексте знания правил эпистолярного этикета. Исследователь К. Келли, интерпретируя тему управления эмоциями к началу XIX в., пишет о том, что «в распоряжении русских людей имелись и пособия, обучавшие навыкам самовыражения с должной степенью чувствительности» [5, с. 59]. Отметим, что условием существования эмоционального сообщества является не только общность «степени чувствительности», но и характер эмоциональной навигации, обеспечивающий процесс самоанализа партнеров переписки. В письмах Марии Павловны к брату это условие является определяющим фактором эмоционального режима навигации.

В рассматриваемом нами контексте династического брака Марии Павловны участниками переписки с ней были все представители семьи Романовых, для которых нормы поддержки родственных связей были естественными и востребованными в силу полученного воспитания, направленного на умение быть чувствительными в поведенческих практиках. Об этом пишет и сама Мария Павловна: «естественная сердечная склонность влечет меня к моей Отчизне, к моей Семье, к Вам, мой Друг» [1, с. 79]. Переписка Марии Павловны с матерью выполняла в большой степени функционально-коммуникативные задачи, связанные с передачей информации-сообщения. Исследователями отмечено, что коммуникацию, предполагающую общение, обеспечивает письмо-текст, а не письмо-реплика. На его основе возможно не только «продвижение в понимании предмета общения, выработка новых смыслов» (то, ради чего адресат осуществляет высказывание, а адресант читает это высказывание), но и формирование «нового качества их взаимоотношений» [6, с. 58].

Этим качеством, на наш взгляд, может быть и состояние, когда коммуниканты наиболее свободны и аутентичны в качестве самих себя, когда их можно воспринимать и видеть теми, кто они есть на самом деле, когда они испытывают и выражают свои чувства. Не случайно в письмах к Александру первых лет много говорится о чувствах и мало о событиях внешней жизни. Мы наблюдаем прямое согласование с такой характеристикой культурной нормы науки расставания как формирование воображаемого сообщества «чувствительных сердец», между тем как событийный ряд объемно представлен в письмах к Марии Федоровне. Бытописание появляется у Марии Павловны в письмах последних лет, что позволяет, по мнению историка Е. Дмитриевой, наблюдать «свидетельства отчужденности» и всё еще существующей близости. Основная характеристика письма-текста связана с их цитатностью и общей коммуникативной памятью. Приведем несколько примеров этой характеристики. Например, в письме от 31 мая 1805 г. Александр цитирует Марию Павловну, давшую ему совет вспомнить о ней «ежедневно хотя бы на мгновение» [1, с. 95], и заверяет её о множестве таких мгновений в его жизни. Тема общей коммуникативной памяти поддерживается воспоминаниями и в письмах представлена фразой «вы помните». Например, к ней Александр обращается, когда пишет о балах, которые он считал общественной повинностью: «Вы помните, что я никогда не любил балы, и моя склонность к танцам с тех пор несколько не выросла» [1, с. 87–88]. Очень часто в письмах присутствует фигура речи «как Вы знаете» или «как Вы добры, что вспомнили». Доминирующей темой в письмах, начиная с 1806 г., становится тема радости ожидания встреч, которая длится в переписке семьи Романовых с тем же значением: «я знаю, что Вы думаете подобным же образом, и это сходство в чувствах приносит мне глубокое удовлетворение» [1, с. 179].

Для того чтобы коммуникация осуществлялась в таком эмоциональном режиме навигации, как была задумана отправителем, ему не только необходимо было знать культурные нормы чувствования или прибегать к принятой фигуре речи «не изменяйте своего отношения ко мне», но было необходимо всегда знать и учитывать ситуативный контекст адресата. Такой регулирующий режим знания позволяет различать аутентичность эмоции или понимать причины её отличия от идеала. Отсутствие этого знания приводит к тому, что эмоциональное сообщение может не состояться. Примером этому являются письма от октября 1806 г. по 1812 г., когда «зло, исходящее от Наполеона», как скажет Александр, «достигнет своего предела» и от «него уже нет спасения». Изменение в связи с этим уровня эмоциональной свободы не останется ими незамеченным.

Согласно выводу исследователя У. Редди о том, что политические и эмоциональные режимы взаимосвязаны, политическая обстановка станет деформирующим фактором, приводящим переписку к нормам строгих эмоциональных режимов. Александр в письме к Марии Павловне пишет об этом следующее: «Маменька посылает Вам этого курьера, чтобы дать надёжную возможность ответить нам и сказать то, о чём по почте Вы, возможно, вынуждены будете умолчать» [1, с. 114]. Это затруднение Мария Павловна из Веймара в письме к Александру от 15/27 января 1812 г. объясняет так: «если бы я была подле Вас, я бы объяснила Вам это с той свободой, которую допускает устная беседа; письменно я должна соблюдать большую сдержанность» [1, с. 168].

Но вместе с этим, меняя характер эмоционального режима навигации, события, коснувшиеся России, обеспечивали адресата и адресанта новым общим источником чувствования и совместным переживанием, когда «узы Отечества являлись не менее чувствительными, чем узы родства и дружбы» [3, с. 164]. Формируется дополнительное особое поле личной вовлеченности, которое будет способствовать процессу чувственного саморазвития в ситуации сбой режима коммуникации. В этот период, усиливающий для Марии Павловны контекст эмоционального страдания и меняющий эмоциональный режим, она берет на себя новую роль патриотки, которая обеспечит возможность поддерживать уровень эмоциональной свободы.

В письмах послевоенных лет часто описываются факты предстоящих или состоявшихся встреч, когда реализовывалось, как пишет Мария Павловна в декабре 1822 г., «желание быть с Вами – одно из самых сильных, которые я испытываю в этом мире, и никогда лень или нечто подобное не помешает мне соединиться с Вами» [1, с. 259]. В письмах этого периода у неё появляется и тема бытописания, что позволяет наблюдать некоторое снижение эмоциональной близости в переписке. На этот процесс могло повлиять её положение «между фронтами», когда ей пришлось, как она сама говорила, «выбирать между старой и новой родиной» [2, с. 35, 42]. Мария Павловна не раз в своей деятельности фактами оправдывала призыв Ф. Шиллера, прозвучавший в её адрес по приезду в Веймар: «Наше Отечество будет да там, где мы делаем счастье людское!». Тем не менее в письме, написанном ею в 1848 г. В. А. Жуковскому, она скажет: «Кого из нас в зрелых годах не покидают мечты молодости? Но вместе с истинным удовлетворением встречаю чувства, сообразные с моими в воспоминании прошлых лет, в памяти любезных сердцу моему родных» [8, с. 81].

Таким образом, опыт эмоциональных практик, представленный в переписке Марии Павловны и Александра Павловича Романовых, позволяет выявить два значимых контекста «науки расставания»: межличностный и государственно-политический, что не только раздвигало границы чувствования, но и меняло эмоциональный режим. Мария Павловна как партнер коммуникации успешно осуществляет эмоциональную навигацию в разных режимах, а её поведение характеризуется перформативным эффектом, обеспеченным опытом её эмоциональных практик. Переписка позволяет определить и факторы личной вовлеченности в развитие эмоциональной навигации, когда: «описывая состояния мира чувственно, мы стремимся повлиять на это состояние, то есть занимаем оценочную позицию» [7, с. 410]. Моменты оценки объясняют, почему со временем происходят изменения чувств, что собственно, по мнению исследователей истории эмоций, и позволяет эмоциям иметь свою историю.

Исследователи характеризуют письмо-текст как форму сохранения духовных ценностей эпохи. Ценностью интерпретируемой эпохи считалась не только способность чувствования и проявления эмоций в письмах как «сокровищах чувств», но и способность к «мучительной душевной борьбе». Исследуемое эмоциональное сообщество не только демонстрирует обогащение эмоционального репертуара, но и характеризуется умением коммуникантов управлять его диапазоном, обеспечивающим процесс их саморазвития. Участники переписки стремятся к сохранению эмоциональной свободы как значимой характеристики для внутренне ориентированной личности Нового времени.

Культурная норма, предполагавшая встречу родственных душ вдали от Родины, была реализована в переписке Марии Павловны и Александра Павловича. Ситуация расставания-утраты Марией Павловной была преодолена формированием и развитием текстового сообщества как союза «чувствительных сердец», когда эмоциональная матрица «науки расставания», превращается в источник творческого вдохновения для Марии Павловны, её интеллектуального и эмоционального роста. Исследователь Л. Гинсбург, предложившая типологическую характеристику дружеских писем первой половины XIX в., пишет о том, что они отвечали потребности личности в самосознании и самораскрытии. Примером этого можно считать новую роль Марии Павловны как патриотки, когда в ситуации строгого эмоционального режима, препятствующего открытому проявлению чувствительности, её «самораскрытие» осуществлялось в реализации этой новой роли. Способность Марии Павловны быть в контакте с собственными чувствами объясняется не только её мотивацией развития, но и фактом переписки с близким адресатом, где она получает дополнительную возможность для актуализации личностной вовлеченности. Как партнер коммуникации она успешно осуществляет межличностное взаимодействие в разных режимах, в которых её поведение ориентированно на обретение и проявление себя подлинной в контексте формирования собственной идентичности, в том числе и эмоциональной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов / подготовка писем Е. Дмитриевой и Ф. Шедеви, подготовка дневника Марии Павловны Е. Дмитриевой; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Е. Дмитриевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 560 с.
2. **Бессмертный Ю. Л.** Идеи и подходы // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых стран Азии до начала нового времени. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – С. 7–26.
3. **Дмитриева Е.** Между немецкими Афинами и Северной Пальмирой: история домашним образом // Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов / подготовка писем Е. Дмитриевой и Ф. Шедеви, подготовка дневника Марии Павловны Е. Дмитриевой; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Е. Дмитриевой. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 5–63.
4. **Зорин А. Л.** Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.
5. **Катриона Келли.** Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 51–77.
6. **Максимова Н. В.** Эпистолярная культура в меняющейся языковой ситуации. Письмо Н. Гарины-Михайловского // Дорогие сердцу строчки... По следам музейной выставки «Жду ответа. История Новосибирска в письмах»: моногр. издание / ред.-сост. Т. Н. Тарновская, А. Н. Юмина; отв. за выпуск Л. А. Монахова. – Новосибирск, 2013. – С. 56–81.
7. **Плампер Я.** История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 568 с.
8. Письма царственных особ к В. А. Жуковскому / вступ. ст., сост. В. С. Киселев, подгот. текста И. О. Волков, Е. Е. Дмитриева, Н. Л. Дмитриева, В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, А. Н. Сидорова, примеч. В. С. Киселев, О. Б. Лебедева, А. Н. Сидорова; гл. ред. В. С. Киселев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2020. – 414 с.

9. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 512 с.
10. **Троицкий Ю.** Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники / Институт истории и археологии Уро РАН. – Екатеринбург, 2014. – С. 14–38.

Информация об авторе

З. П. Горьковская, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, zinagor@mail.ru

Information about the author

Zinaida P. Gorkovskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National and World History, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, zinagor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 16.06.2022; принята к публикации 25.06.2022

The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 16.06.2022; accepted for publication 25.06.2022